

Звонок из Переславля застал меня в самом начале дороги, на Крестовском путепроводе. Звонил Леша, он сумел связаться с тамошним прорабом, имевшим, к счастью, строительное образование, и самостоятельно разрулил проблему — слишком инициативный бригадир решил сделать бетонную мембрану вдвое толще, потому что «тонкая упадет, нащальнеке».

Я тихо рулил по проспекту Мира, соображая, как распорядиться внезапно образовавшимся пустым днем. Максимум удастся закрыть вторую половину, но тут пришла мысль доехать до Сокольников и просто погулять в парке, где я не был уже лет тридцать.

Между Поперечным просеком и железной дорогой было пусто, на аллеях вдоль прудов я увидел всего пару упоротых бегунов и одного собачника. Лесные дорожки, куда я и направился, были вообще безлюдны, что неудивительно холодным утром в будний день со скверной погодой.

Мысли вернулись на внезапный звонок Леши, такие взбрыки в последнее время случались все реже и реже. Наше проектно-расчетное бюро заслужило немалый авторитет на строительстве всяких необычных конструкций, за-

казов становилось все больше — кто винтовую лестницу в монолите пожелает, кто перекрытие личного бассейна, кто вообще полный нестандарт в духе экодизайна. Да, сперва ты работаешь на репутацию, а потом репутация работает на тебя. Плохо то, что на репутацию мы работали вдвоем с моим сокурсником и совладельцем бюро Серегой, а сейчас я один — полгода назад такой же внезапный звонок принес весть о его смерти от инфаркта.

В лесу было тихо, только тропинки избиты копытами лошадей из конной школы или, может, сокольнического эскадрона полиции. Я двинулся искать наше секретное место, в котором когда-то собирались мы, мелкие пацаны, жившие на Маленковской. Хотя черт его теперь найдешь, столько лет прошло — вон, одни деревья вымахали, другие, напротив, упали или спилены, и где оно, то место, и где те пацаны... Суета сует, всяческая суета и бренность всего сущего, тем паче что подтверждение последнему случилось всего неделю назад, когда ушел друг юности Андрей. С ним мы когда-то вместе создавали «самую правильную марксистско-ленинскую партию». Ага, как молоды мы были. Проект загнулся по естественным причинам — наступили девяностые, и коммунистические идеи оказались как-то не очень к месту, больше приходилось думать о пожить. И тогда очень кстати начался наш с Серегой бизнес, позволивший вынырнуть из омута и начать зарабатывать сперва на «новых русских», потом на самодельной гламурной тусовке и в последнее время даже на олигархах.

Вот ведь жизнь — с Серегой мы виделись ежедневно последние двадцать лет, а умер он мгновенно, а с Андреем за эти же годы мы встретились всего три-четыре раза, но умирал он практически на моих руках, семьи у него не было. Вместо нее были только книги и наш «марксистский» сервер, затеянный еще в молодости. Все эти годы Андрей поддерживал и пополнял его, ибо остался верен исторической науке. Он даже успел защитить обе диссертации — кандидатскую и докторскую — и превратил сборничек десятка текстов «основоположников» в крупный, если не крупнейший ресурс по современному марксизму в Рунете.

Его-то он мне и завещал, и теперь надо было думать о новом хостинге, ибо Андрюхино руководство более не горело желанием держать его на институтских серверах. Да что там «более» — оно и ранее не испытывало особого счастья по этому поводу, спасал лишь авторитет Андрея в научных кругах. Думы думами, а прошедшую неделю я исправно перекачивал содержимое на свои носители, хорошо хоть там были только тексты и много места они не требовали.

Сверху цвиркнула какая-то птица, и я отвлекся от своих размышлений, втянув носом запах сырой земли и прелой листвы. Нет, секретное место я не найду, надо понемногу выбираться к машине, а то что-то стало холодать. И ехать опять в город, где я остался один — отец умер в начале нулевых, мать пятнадцать лет тому назад, и я до сих пор уверен, что родителей доби- ли девяностые.

С женой давно развелся, дочка вышла замуж за испанца и живет в Малаге, а такими темпами скоро и друзей-товарищей не останется...

Перед глазами, как живые, встали Серега с Андреем, сердце дало перебой и сжалось, картинка поплыла и раздвоилась, а потом и размножилась. Задыхаясь от нехватки воздуха, я почти упал на пенек и привалился спиной к дереву. Проскочила мысль, что это будет номер — дать дуба под березой в Сокольниках, где меня хрен знает когда найдут.

Парк плыл и переливался, деревья прорастали сквозь деревья, пару раз в глазах ослепительно сверкнуло, мелькали смазанные человеческие фигуры...

Дышать. Дышать. Вдох носом, живот, ребра, плечи, резкий выдох, чтобы толкнуть сердце, концентрируйся на дыхании, дышать...

Неужели инфаркт? Но с сердцем все в порядке... Инсульт? Нахрен-нахрен, полчаса без медицинской помощи и можно всю оставшуюся жизнь провести «овощем». Дышать. Дышать. И не паниковать, живы будем — не помрем.

Понемногу отпустило, хотя зрение пришло в норму совсем не сразу. Вытерев пот, я тихонько подышал еще минут десять, потом медленно поднялся и двинулся к железной дороге в сторону просека, где оставил машину. Черт, надо срочно на обследование, ведь незнамо когда в следующий раз схватит, возраст уже не детский, сорок девять лет мальчику. Так я брел и шпынял себя за нелюбовь к врачам, пока навстречу по дорожке Лабиринта не появилась небольшая конная груп-

па. Стало повеселее — на миру и смерть красна. По мере приближения конники оказались реконструкторами, всадники в верховой одежде конца XIX века, дамы в амазонках и на дамских же седлах. Шляпки с длинными вуалями за спиной, но мой взгляд почему-то зацепился за перчатки — все были в перчатках, причем у всех в тон одежде. Надо же, как обстоятельно заморочились...

Хотел было их поприветствовать привычным «на какое столетие бухаем?», но поглядел на лица людей, так старательно вжившихся в эпоху... и просто кинул два пальца к шляпе, за что удостоился удивленных взглядов. Может, у них тут весь парк закрыт на реконское мероприятие — то-то людей нет — и они на меня вытаращились из-за обычной одежды? Да флаг им в руки, я-то никаких барьеров, закрытых проходов и объявлений не видел. Так что бог с ними, с реконами, мне бы до машины добраться.

С железной дороги раздался резкий свист, и я, повернувшись в его сторону, увидел сквозь деревья султан черного дыма. Да, похоже, мероприятие — вон, даже паровоз пустили. Пойти глянуть, что ли, что там, «Овечка», наверное, крюк всего-то на лишнюю сотню метров...

Я раздвинул кусты на краю путевой выемки и замер, даже не глядя на пыхтящий паровоз, — на железке не было платформы «Маленковская», а за ней не было восьмиэтажных «сталинок».

Вместо них вдалеке виднелись избы и паслись коровы.

Организм, как ни странно, на такую мощную новость никак не отреагировал, второй раз маре-

во глаза не застило, сердце не кололо, и вообще я отнесся к пейзажу несколько философски. Как сказал ведомый на казнь в понедельник, «что-то хреново неделя начинается».

Так, разберемся.

Москва, конечно, город богатый и на фестиваль типа «Времена и эпохи» может выделить неслабый бюджет. Но все равно не такой, чтобы снести квадратный километр застройки и завезти на пустое место коров. Да что там застройка — в направлении ВДНХ не видно взлетающей ракеты монумента покорителям космоса! А она должна быть как раз за маковками хорошо различимой Алексеевской церкви.

Значит, не фестиваль.

— Тогда что? — вслух поинтересовался я. — Глюк? Наваждение?

Если так, то очень странный глюк. Почему все остальное на месте, парк, деревья, я сам, содержимое сумки-портфеля...

А если... От догадки пробежали ледяные мурашки по спине. А если... а если это...

— Перенос... — тихо прошептал я и несколько раз крепко зажмурился, а потом ущипнул себя.

Правда, и это не помогло.

В отчаянной надежде быстренько вытащил смартфон и разочарованно ругнулся — сеть напрочь отсутствовала. В планшете — аналогично. Господибобадушумать... нет, не может быть. Не бывает такого. Ну не хочу я в прошлое! У меня дел выше крыши! Кот не кормлен! Да что я тут делать-то буду??? Слушай, дорогое мироздание, а давай ты меня вернешь обратно, а я никогда-

никогда больше не пойду гулять в Сокольники? И дорогу на красный свет переходить не буду, и что еще там, под стрелой стоять, а? Ну позязя...

Дорогому мирозданию было не до меня. Пришлось добрести до лежавшей чуть в стороне от тропинки лесины и плюхнуться на нее. М-да, тут и сел старик.

Ну, ладно, пусть я хрен знает где, но что же будет с нашим бюро? Ох ё, Леша не вытянет, у него ни связей, ни достаточного опыта нет, все дело под откос... дочку не увижу...

Сервер! Я даже застонал — я же обещал Андрею, а как теперь я все сохранию?

Не могу сказать, сколько я просидел так, шарахаясь от возбуждения к отчаянию, прежде чем приказал себе собраться — вспомнилась одна хорошая комедия: «...у нас две проблемы, Минобороны и пуговица». Вот и не хрен, надо искать пуговицу.

Фирма? Да, жаль, но там все взрослые ребята, в конце концов уйдут под крыло к конкурентам, их примут с радостью.

Сервер? Почти все тексты у меня на планшете.

Дочка? Слушай, ну ты и так ее видишь в лучшем случае дважды в год, у нее своя жизнь, у тебя своя. Была во всяком случае.

Кот? Раз в два дня приходит уборщица, накормит. Ну и соседи нормальные, сколько раз брали моего, когда я по командировкам мотался, приютят, не бросят.

Каким-то странным образом страх ушел, осталась досада. Примерно такая, как от отме-

ненной важной встречи или когда пошел неожиданный дождь, а у тебя нет с собой зонта.

Ладно, хватит ныть, хочешь жить — надо барахтаться и сбивать масло, как та лягушка. Хотя, может, я все-таки ошибаюсь? Вот бы это был не перенос, а солидный такой, обстоятельный глюк! Хорошо бы для надежности пообщаться с кем-нить... я побрел вдоль железки, крутя головой по сторонам в поиске кандидата на собеседование. Минут через пять из кустов со стороны Путяевских прудов вынырнул усатый мужик средних лет, при взгляде на него в голову сразу пришло слово «мастеровой» — картуз, короткое пальто, брюки в сапоги и рогожный кулек под мышкой.

— Любезный, а не подскажешь, какой нынче у нас год?

Усач фыркнул, бросил на меня подозрительный взгляд и, поправив кулек, быстренько ссыпался вниз к путям, перескочил их и удалился.

— Везет, как утопленнику... — я невольно улыбнулся. — Хотя никакой рекон так бы натурально не среагировал.

Ну что же, принимаем за рабочую гипотезу перенос, теперь стоит выяснить, куда. Судя по церкви, «овечке» и всадникам — Россия, рубеж веков, для уточнения нужно выбраться к местной цивилизации...

Стоп.

А примет ли меня местная цивилизация в таком виде? Документов нет, одет странно, денег нет, ценностей, которые можно сразу реализовать, тоже нет (ценности-то есть — тот же смартфон, но кому его можно продать с ходу?). Так,

значит, первым делом — средства к существованию и легализация. Что я умею, применимого в этом времени, кроме как крутить хвосты коровам? Я неплохой инженер-расчетчик и потенциально предсказатель, но, чтобы зарабатывать в этих качествах, нужно время на раскрутку, а у меня его попросту нет — не на что и негде жить. Профессиональный революционер, бггг? Ну дык подполье тоже нужно время найти. Пожалуй, деваться некуда, надо сдаваться власти. Если не в тайные советники вождя выбьюсь, то хоть в роли феномена с голоду не сдохну, но до той власти надо еще пробиться. Ладно, двигаем пока в полицию, или как она тут зовется, больше некуда, ученых или революционеров еще походи найди, а правоохранители вот они, всегда рядом.

Полиция, насколько я знаю, делила здания с пожарными командами. И как раз тут невдалеке имеется Сокольническая часть со знаменитой каланчой, вот туда и направимся. Дотуда километра три, дойду неспешно за час, заодно посмотрю по сторонам и постараюсь определиться точнее.

Я фланировал по аллее Сокольников, соображая, чем еще я могу пригодиться в этом времени, но мысли скакали, сбиваясь с необходимого для гаджетов электричества на марксистско-ленинскую философию, с нее на теорию упругости со строительной механикой и дальше на неплохое знание истории и английского языка...

А это мысль! Американец — это закроет некоторые вопросы при первичном общении. Еще я умею рисовать и помню песни... Давай-давай,

еще промежуточный патрон вспомни. И фигурное катание, куда меня на волне увлечения этим спортом в СССР затолкали родители и где я страдал два года, пока пацаны рублились в хоккей.

Нет, сопромат и только сопромат, спасибо нашему невероятному лектору — доцент Алексеев настолько идеально подавал материал, что конспект можно было сразу издавать как учебник. Кстати, это единственный институтский конспект, который я сохранил и частенько просматривал, стараясь научиться такой же четкости изложения.

Ох ё, фиты и яти! Я же ни ухом ни рылом... Впрочем, мне и не надо — я «американец». Что еще? Чертежником меня не возьмут, тут требования гораздо жестче, а я разбалован софтом вроде Автокада. Если покопаться в памяти, уйма сведений по развитию науки и техники, по большей части бесполезных, — ну, вот знаю я про пенициллин, и что? Многие вещи мне знакомы только по названиям, а вот как сделать паровую машину, которая сейчас на пике, или двигатель внутреннего сгорания, который вот-вот выстрелит, ну, хрен его знает. Может, рабочий макет и получится... Или вот я умею рассчитывать бетонные корпуса реактора на ЭВМ... самому не смешно? Родственников найти? Здрасьте, я Саша с Урал-маша, то есть ваш правнук, бггг.

Блин, а ведь бабкиного брата расстреляли под горячую руку в 1918-м, сестру прабабки, монахино, — в 1937-м, дедова брата раскулачили в 1930-м, питерская ветвь семьи в блокаду вымерла поч-

ти вся... А по стране??? Ну, вот тебе и хорошая мотивация здесь — уменьшить число жертв, чтобы к концу XX века в России не еле-еле 140 миллионов осталось, а хотя бы вдвое больше. В голову тотчас полезли читанные статьи о «русском кресте», о демографическом переходе, о количестве жертв в войну — сорок миллионов или все-таки двадцать семь? Да какая, к черту, разница, прости господи... А девяностые??? А первая русская революция, когда Россия в полный рост познакомилась с террористическими атаками и бессудными расправами? Жуткий век, страшные удары обрушились на страну и обескровили ее, попытаться предотвратить это — достойная цель в жизни, даже умереть за такое не жалко, не за счет же в банке помирать.

Ну и как это сделать? Противостояние никуда не денется, слишком много проблем в империи, а вот сбить накал этого увлекательного процесса... да, надо душировать террористов — невзирая на идеологию. Террор — не наш метод, мы пойдем другим путем... О! Ленину-то сейчас лет двадцать пять — тридцать, а с его текстами я вполне знаком, знаю, как он будет развиваться — можно и в ближний круг пролезть. Я аж задохнулся от перспективы и от накатившего понимания, что надо делать. Ладно, базовый сопромат всегда прокормит, недаром об этом времени говорится: «Сдал сопромат — можешь жениться!», тем паче при громадном дефиците не то что инженеров, а даже техников в Российской империи рубежа веков. А уж навести шухер в революционной тусовке сам бог велел.